

Иван Тургенев

Несколько слов об опере Мейербера «Пророк»

Иван Сергеевич Тургенев

Несколько слов об опере Мейербера «Пророк»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2997835

Аннотация

Письмо Тургенева об опере «Пророк» является единственной музыкальной рецензией писателя, если не считать отдельных высказываний о музыкальной жизни Петербурга и Берлина в статьях «Современные заметки» и «Письма из Берлина». Высокая оценка творчества Мейербера и мнение о важном историческом значении его деятельности, высказанные Тургеневым, разделялись большинством авторитетных музыкальных критиков его времени и остались в основном неизменными и в дальнейшем. «Письмо» Тургенева остается ценным свидетельством чуткого слушателя, отразившего типичные для большинства его современников впечатления от крупнейшего художественного события того времени.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Комментарии

Иван Сергеевич Тургенев

Несколько слов об опере Мейербера «Пророк» (Письмо к редактору)

Париж, 9 января н. ст. 1850.

Вы желали знать мое мнение, любезный А<ндрей> А<лександрович>, насчет мейерберовского «Пророка»... Я до сих пор всё мешкал, и теперь, может быть, уже поздно говорить о нем; но французы уверяют, что лучше поздно, чем никогда. Слушайте же.

Завтра дают эту оперу в сороковой раз, и уже сегодня все места разобраны, и, как гласит афиша: «Les entrées de faveur sont suspendues...»¹ — успех, как видите, огромный. Конечно, довольно значительную часть этого успеха должно приписать прекрасному исполнению, великолепной постановке, множеству иностранцев и провинциалов, наехавших в Париж, — людей, для которых не познакомиться с новой оперою Мейербера всё равно что не побывать хоть раз в Café Mulhouse, где показывается великан в полторы сажени; но и сама музыка «Пророка» вполне оправдывает энтузиазм публики. Она достойна творца «Роберта» и «Гугенотов» и ни-

¹ «Бесплатный вход прекращен...» (франц.).

сколько не нуждалась в тех журнальных пухах и прочих безобидных «подготовлениях», без которых знаменитый маэстро не решается выпускать на свет божий ни одного из своих тщательно взлелеянных детищ. Правда, в богатстве, свежести и разнообразии мелодий «Пророк» не может равняться с «Робертом»; в потрясающей силе драматического выражения он не достигает «Гугенотов», которых я считаю лучшим произведением Мейербера; но он весь ровнее, выдержаннее; на нем лежит печать строгого и ясного величия. Это произведение человека уже не молодого, даже стареющего, но человека, вполне овладевшего всем богатством собственного таланта. В «Пророке» нет угловатых и причудливых странностей «Роберта»; нет тех бледных – не скажу общих мест – но незначительностей, которыми исполнены первые два акта «Гугенотов». Инструментовка «Пророка» необыкновенно богата, отделана с любовью до малейших подробностей; она нисколько не шумна; в ней много нового (между прочим, особенно счастливо употребление басового кларнета – *clarinette basse*); но это новое всегда изящно – чего нельзя сказать, например, об инструментовке «Роберта»; и, кроме двух или трех вычурных пассажей на контрбасах, о которых кто-то сказал, что, слушая их, он всё думает, что у оркестра бурчит в желудке, – всё значительно и прекрасно. В этом отношении, да еще в искусстве двигать целые громады музыки (если можно так выразиться) на сцене и в оркестре, никто не может сравниться с Мейербером. Конечно, могут на это

возразить, что мелодия его не течет свободно и обильно, подобно воде из родника, как у Россини; что и его произведения, как первые речи Демосфена, «пахнут маслом», отзываются трудом;^[1] что вообще он не столько великая музыкальная натура, сколько даровитая и многосторонняя организация, со всем настойчивым упорством, свойственным еврейской породе, обратившаяся на разработывание своего музыкального капитала; что он эклектик... Мы со всем этим готовы согласиться, но мы тут же прибавим, что это несколько не уменьшает ни его достоинств, ни его оригинальности, и что такое счастливое и гармоническое соединение разнообразных способностей так же редко, как и исключительное, даже гениальное развитие одной из них; что самые ожесточенные противники его таланта (немцы, например) не могут отказать ему в необыкновенном знании сцены и глубоком чувстве драматического эффекта; и что, наконец, место, завоеванное им в истории музыки, останется за ним. Влияние Мейербера на современников несомненно, даже итальянцы ему подчинились – сто́ит вспомнить о Верди; мотивы из его «Роберта» поются в Китае, на Сандвических островах... Но возвратимся к «Пророку».

Я предполагаю, что нашим читателям уже известно содержание этой оперы, и потому не считаю нужным распространяться о нем. Скажу только, что на этот раз великий искусник и «faiseur»² Скриб не слишком был счастлив в вы-

² «мастер» (франц.).

боре своего сюжета, почерпнутого из истории Иоанна Лейденского, одного из начальников анабаптистов в XVI столетии. Г-н Скриб смотрит на историю в уменьшительное стекло. Ни один характер не выдержан, исключая матери Иоанна, Фидэс, одного из самых трогательных созданий новейшего искусства; сам Иоанн – слабое и бледное существо, да еще и плут вдобавок; анабаптисты, его сообщники, которым он, как водится, служит орудием, тоже неизвестно что такое: полуэнтузиасты, полубездельники... Берта или Берфа, невеста Иоанна, сбивается уже на совершенную бессмыслицу; в третьем действии ход драмы останавливается вовсе; да и, наконец, самая любовь Фидэс не такая сильная пружина, чтобы на ней построить целую оперу. Но все эти недостатки выкупаются необыкновенно драматической «ситуацией» четвертого акта. Тем более чести Мейерберу, что он, несмотря на плохое либретто, умеет привлекать весь Париж.

В «Пророке» нет увертюры; она была написана, но оказалась слишком длинной и, по правде сказать, довольно плохой: чисто инструментальная музыка – не дело Мейербера. В первом акте замечательны: вступительный хор поселян, ясный и свежий, с затейливым аккомпаньементом; песнь анабаптистов, унылый и мрачный мотив, весь проникнутый фанатическим пуританизмом, часто возвращающийся в течение оперы, и последующий хор, оканчивающийся потрясающим взрывом; дуэт Берты и Фидэс, необыкновенно грациозный и напоминающий Моцарта. Во втором акте мы укажем

на сон, рассказанный Иоанном трем анабаптистам. Сон, в котором он предчувствует свое возвышение и свое падение... Этот великолепный речитатив, удивительно оркестрированный, оканчивается одним из тех драматических; эффектов на слове: «maudit»³, тайна которых доступна одному Мейерберу; последующий за ним романс нам кажется сентиментальным и уж чересчур сладким. Арию Фидэс «Ah, mon fils!» многие почитают перлом всей оперы: действительно, нельзя себе представить ничего более трогательного при всей простоте мелодии. Бедная мать благословляет своего сына, который пожертвовал для нее своей невестой, почти не смеет благодарить его... повторяет одни и те же слова: «Ah, mon fils... sois béni...»⁴

³ «проклят» (франц.).

⁴ «О, мой сын... будь благословен...» (Франц.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...его произведения, как первые речи Демосфена ~ отзываются трудом... – Демосфен (384–322 гг. до н. э.) славился необычайным трудолюбием. Рассказывали, будто в юные годы, занимаясь по ночам, он никогда не гасил лампы. Поэтому шутя говорили, что его речи пахнут лампадным маслом.